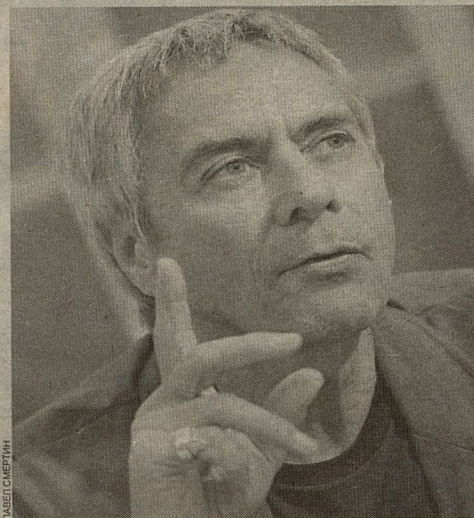

«Аркадина — это Анна Павлова»

Джон Ноймайер ставит «Чайку» в Москве

Коммерсантъ - 2006 - 26 авг. - с. 8.

Вчера Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко собрал пресс-конференцию, чтобы сообщить о своих творческих планах и похвалиться отремонтированным зданием театра. Главной балетной сенсацией предстоящего сезона станет мартовская премьера балета «Чайка» в постановке знаменитого хореографа Джона Ноймайера. Хореограф приехал в Москву для знакомства с труппой и почти не выходил из репетиционного зала, но ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА успела расспросить ДЖОНА НОЙМАЙЕРА о предстоящей работе.

ПАВЕЛ СМЕРТИН

— Два года назад, ставя в Большом свой балет «Сон в летнюю ночь», вы, прежде чем согласиться, отсматривали труппу на гастролях и сами выбрали спектакль. Здесь же театр попросил именно «Чайку», и вы дали согласие, даже не видя артистов. Почему?

— Вообще-то во время моей работы в Большом я приходил в этот театр, чтобы получить кое-какие впечатления о труппе. Ведь уже тогда родилась идея постановки «Чайки». Господин Урин (директор Музтеатра Станиславского. — Б.) видел ее в Гамбурге и в Петербурге, куда мы привозили ее на гастроли. Так что я имел общее впечатление о труппе. Но здесь для меня важна концепция: во время работы над «Чайкой» я изучал принципы Станиславского, которые касаются актерской игры танцовщиков. И для меня Театр Станиславского важен тем, что он основан на этих принципах, что он их придерживается до сих пор. Работа с этой труппой будет продолжением моего исследования Станиславского, я посмотрю, как его система претворяется в действие. Согласие на постановку — это жест доверия. Ведь мне сложно судить, как работают танцовщики, я их видел всего несколько часов. — Известно, что в вашей «Чайке» вы заимствовали профессии героев: писатели стали балетмейстерами, актрисы — балеринами. Есть ли у ваших героев конкретные прототипы в истории балета?

— В моем балете несколько уровней. Один из важнейших — конфликт между консер-

вативным, успешным искусством и чем-то новым, экспериментальным. Думаю, в данном случае уместны такие параллели: Тригорин — это традиция балета XIX века, Аркадина — Анна Павлова. А Костя символизирует прорыв в сторону модерна, который был в России в начале XX века.

— То есть балетмейстерские опыты Нижинского?

— Он же уехал из России. Нет, это, скорее, ваш Голейзовский. Хотя у моего Треплева нет прямого прототипа, мне было важно показать эволюцию танца. И еще важна тема творческой воли. Костя — гениальный дилетант-экспериментатор, но он пассивен, ему не хватает внутренней дисциплины для прорыва в искусстве. Настоящая героиня спектакля — Нина, у которой есть силы самой сделать свою судьбу. У нее нет ни времени, ни намерений оставаться с Костей и мечтать о том, чтобы стать артисткой, она просто делает это, несмотря на все жизненные перипетии. — Так вы на чьей стороне — гениальных дилетантов или крепких профессионалов?

— Пьеса Чехова — не сказка с плохими и хорошими персонажами, это и делает его героев интересными. Передо мной стояла задача придумать сцены, которые не написаны, но подразумеваются Чеховым. Напри-

мер, в «Чайке» только говорится о том, что происходит с Ниной, когда она уехала. А мне важно показать, как она становится профессиональной балериной. Поэтому появилась сцена, как она выступает в ревю.

— Почему для «Чайки» вы выбрали музыку Шостаковича — все-таки это совсем другая эпоха?

— Шостакович умеет держать напряжение между тем, что сказано, и тем, что подразумевается, — как раз то, что характерно для Чехова. В моем балете использованы самые разные произведения Шостаковича: 15-я симфония, струнный квартет, даже фрагменты оперетты «Москва, Черемушки». Шостакович — целая вселенная, и в балете тоже много уровней — от классического танца до движений, которые вообще кажутся бесформенными. Но в «Чайке» есть и музыка других композиторов: когда мы смотрим в самую глубину образа Аркадиной, звучит Чайковский. Когда экспериментирует Костя, идет сильная ударная музыка американки Ивлин Гленни. А когда Маша решает выйти замуж, появляется Скрябин.

— Российский хореограф Борис Эйфман в этом сезоне ставит «Чайку», где тоже сделал героев балетмейстерами и балеринами. Считаете ли вы это плагиатом?

— Не могу ничего сказать, не видел постановки. Но кажется, он видел мою «Чайку» в Петербурге? Это странно.

— А на уровне идеи это не плагиат?

— Балет — это все-таки движение, не только идея.

— Замечали ли вы откровенные заимствования в постановках коллег?

— Замечал. Но самое важное — это качество. Можно скопировать работу, но нельзя скопировать качество. Думаю, человеку может даже польститься, если его работы копируют.

— Сколько времени вы собираетесь лично работать с труппой Театра Станиславского?

— Премьера назначена на 9 марта, я приеду на десять дней в январе и на три недели перед премьерой. Но без меня здесь будут работать трое моих ассистентов, и мы сделаем все, что в наших силах.